

# Ксенофобия в постсоветской России

Анна Севортьян<sup>1</sup>

Явление ксенофобии в различных ее проявлениях последовательно наблюдается на постсоветском пространстве независимыми аналитическими центрами, особенно после 2000 года, когда эта насущная проблема для российского правозащитного сообщества была впервые поднята в докладе Московской Хельсинкской группы. За последнее десятилетие Россия пережила значительные экономические и политические изменения. Однако, с точки зрения ксенофобии, расизма и национализма, страна продолжает демонстрировать тенденции, которые были впервые определены десять лет тому назад. Эта академически «невинная» фраза, на самом деле, имеет ряд тревожных последствий, в числе которых: рост насилия, расовая дискриминация, усиление национализма и радикализма, молчаливая поддержка большинства некоторых очень неприятных идей, гражданская апатия и выхолащивание многих демократических механизмов.

Эти тенденции и проявления ни в коем случае не уникальны, и их можно сравнить с ситуацией в других странах, включая ближайших соседей России Украину и Казахстан. Также на ситуацию влияет усиление национального самосознания народов по всему миру и геополитиче-

ские процессы. Какими бы ни были факторы, России необходимо более глубокое понимание сложного характера ее ксенофобии, чтобы она могла разработать эффективные средства правовой защиты.

## 1. Устойчивый рост

Ксенофобия, которую связывают с экономическими проблемами, усилением миграционных потоков, появлением новых типов личности и стилей жизни, становится все более очевидной во всем мире, и Россия не является исключением. В большинстве регионов России наблюдается обострение проблемы, которая проявляется самыми разными способами, от «мягких» форм, включая подстрекательства к вражде и негативные поведенческие модели, до насилия. Ухудшение ситуации можно было бы остановить, если бы была своевременная реакция со стороны российских властей и граждан. На самом деле, первые несколько лет этой «эпидемии» были бездумно потрачены на наблюдения, которые просто пытались озвучить проблему.

В начале 2000-х годов ксенофобия почти полностью игнорировалась и воспринималась как вполне понятное следствие экономических и социальных изменений

в России. Медленное, но постоянное усиление ксенофобских настроений считалось незначительной проблемой по сравнению с другими «трудностями государственного масштаба», включая войну в Чечне и непрекращающуюся экономическую нестабильность. Такое отношение на фоне редких публичных осуждений насилия на этнической почве создало благоприятный климат для широких проявлений вражды и ненависти.

По мере того, как ученые пытались установить связь между явной и неявной ксенофобией – или как подстрекательства к вражде и скрытая ксенофобия вызывают более насильственные проявления ненависти – количество нападков постоянно росло. Чаще всего эти нападки были направлены на «иммигрантов», которые имели визуальные отличия или, выражаясь языком правоохранительных органов и прессы, были «неславянской» внешности. Несмотря на то, что многие «неславяне» были российскими гражданами в силу неоднородного характера российского государства, идея ксенофобии была четкой и направлялась против «иммигрантов» с Кавказа, из Центральной Азии и Китая.

Несколько лет усугубившегося насилия на фоне деятельности откровенно ультраправых групп в интернете и других местах, в конце концов, перевели данную проблему в такую категорию, что ее уже нельзя было игнорировать. После нескольких убийств азиатских студентов на Невском проспекте, главной улице Санкт-Петербурга, и немыслимо жестокого убийства 9-летней таджикской девочки Хуршеды Султоновой в феврале 2004 года были сделаны первые официальные заявления по этой сложной проблеме.

Рашид Нургалиев, который на тот момент исполнял обязанности министра внутренних дел, признал, что в России имеют место «острые проявления экстремизма» в отношении визуальных меньшинств. Тем не менее, на изменение государственного подхода к данной проблеме ушел еще один год. Расистские нападки были сформулированы как «экстремистские преступления», которые представляют собой угрозу для безопасности России, а в 2005 году президент России Владимир Путин коснулся этого вопроса во время своей интернет-конференции для российских граждан.

## 2. Тенденции и статистика

«Экстремистское преступление» – термин, который использовался для выражения социальной озабоченности по поводу связанного с ксенофобией насилия в национальном докладе, представленном Россией Универсальному периодическому обзору ООН в 2009 году. В отчете официально признается увеличение числа таких преступлений и представлены некоторые статистические данные, касающиеся масштабов данной проблемы. В отчете демонстрируется устойчивый рост «экстремистской преступности» в России и указывается, что число зарегистрированных экстремистских актов увеличилось со 130, зафиксированных в 2004 году, до 152, 263 и 356 в 2005, 2006 и 2007 годах, соответственно. Только в первой половине 2008 года было зарегистрировано 250 преступлений экстремистской направленности.<sup>2</sup>

Самые скромные подсчеты «экстремистских преступлений» в течение 2008 года были выполнены независимым аналитическим центром «СОВА», который провел

наиболее последовательное исследование данной проблемы. Оно показывает, что в 2008 году было не менее 525 жертв расизма и насилия на почве ксенофобии, 97 из которых умерли. Также исследование установило, что большинство преступлений были совершены в Московской и Ленинградской областях.<sup>3</sup>

Неудивительно, что российские НПО предпочитают использовать другой термин: «преступления на почве нетерпимости». Их общий анализ этой тенденции наиболее удачно обобщен в недавнем альтернативном докладе для Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации.<sup>4</sup> В данном документе, составленном при участии 33 НПО, выделены три основных факта, касающихся преступлений на почве нетерпимости и подстрекательств к вражде в России:

1. Количество преступлений на почве нетерпимости в последнее время увеличивается на 20% в год. Преступления на почве нетерпимости становятся все более жестокими и часто совершаются с применением оружия и взрывчатых веществ. Как правило, организации, прямо призывающие к подобной дискриминации и насилию, действуют открыто и безнаказанно.
2. Преследование преступлений на почве нетерпимости активизировалось, однако оно не соответствует насущным потребностям общества с учетом масштабов преступлений на почве нетерпимости и расистской пропаганды.
3. Некоторые чиновники сотрудничают с расистскими организациями и/или позволяют себе высказывания, которые означают открытую нетерпимость к опре-

деленным этническим группам. Например, пропагандистские кампании против оппонентов на международной арене привели к подстрекательствам к вражде против некоторых этнических/национальных меньшинств, проживающих в России.

В некотором смысле, запаздывание ответных мер на насильственные действия является результатом первоначальной инерции в ответ на «проблему ксенофобии». В недавнем докладе<sup>5</sup> центра «СОВА» объясняется, что в 2008 году в 19 регионах страны было всего 33 успешных судебных преследования за расистские насильственные преступления в делах, в которых ненависть была признана отягчающим мотивом преступления. Однако все позитивные изменения в системе преследования случаев насилия сразу же омрачаются другими свидетельствами. СОВА документально зафиксировал факты расистских и неонацистских нападений в 44 регионах России. Помимо таких организованных националистических групп, как Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ), примерное число активных членов неформального движения скинхедов составляет от 10000 до 20000 в основном молодых людей, которые оставляют в общественных местах расистские надписи и организуют нападения на представителей меньшинств.

Эти цифры впервые были обнародованы заместителем директора центра «СОВА» Галиной Кожевниковой в Независимом пресс-центре в Москве в феврале 2009 года. Это произошло ровно через три недели после еще одной пресс-конференции, которая была там проведена известным российским адвокатом-правозащитником Станиславом Маркеловым. После пресс-конференции по дороге к станции

метро Маркелов и журналистка «Новой газеты» Анастасия Бабурова были зверски убиты. Г-жа Кожевникова также получила по электронной почте угрозу за день до ее пресс-конференции.

### 3. Понимание корней ксенофобии

Выделить доминирующие факторы, которые подпитывают ксенофобию в российском обществе, – задача не из простых. Являясь сложным и субъективным понятием, ксенофобия тесно связана с тяготами перехода к рыночной экономике, национализмом во времена, когда смысл «нации» неясен, проблемами глобализации, включая беспрецедентную мобильность людей, и историей.

Некоторые ученые при пояснении отдают предпочтение историческому аспекту, и это вполне может быть правдой, что глубокие корни современной ксенофобии следует искать в деревенском укладе жизни XIX века или в идее советского коллективизма. При рассмотрении корней российской ксенофобии целесообразно вспомнить такие советские понятия, как «интернационализм» и «дружба народов», а также подавление любых проявлений национализма. Бурные годы гласности и 1989 год предоставили возможность для националистических дискуссий, которые впоследствии привели к так называемому «параду суверенитетов» бывших республик СССР.

С этой точки зрения, 20-летний период, в котором люди впервые смогли открыто выражать свои мысли (включая националистические настроения), не может быть достаточным для развития нового национального самосознания. Особенно это касается страны, на большей территории

которой вместе с русскими проживает огромное количество национальностей, включая, например, татар и башкир.

В определенной степени это было предсказуемо, что некоторые формы этнического национализма должны были заменить составное советское самосознание. Переосмысление самосознания предполагает отделение себя от «других» через упрощенные суждения типа «мы» против «них» (что характерно для стран с развивающимся самосознанием). Безусловно, пока Россия находилась на переходном этапе, не было никаких возможностей тщательно обдумать и проанализировать последствия данного процесса.

Еще один распространенный аргумент в спорах о ксенофобии в России касается внешних проблем, с которыми страна столкнулась в сфере экономики, политики и безопасности. Список факторов, которые, вероятно, способствовали распространению ксенофобских настроений, обычно включает в себя экономические трудности 1990-х годов и растущий экономический разрыв, разделение, напряженность и геополитическую реконфигурацию постсоветского пространства, в т. ч. волну трудовой миграции. Из-за отсутствия комплексной политики многие последствия быстро меняющейся жизни в России были проникнуты негативными, ксенофобскими интерпретациями. Например, трудовых мигрантов обвиняют в «краже» рабочих мест, а не считают полезными за тот вклад, который они делают в развитие общества, когда выполняют непрестижную, неквалифицированную работу. Подобно этому, сторонники данного аргумента полагают, что беспрецедентные

террористические акты на Северном Кавказе, в Москве и в других местах, две войны в Чечне и всемирные заявления о борьбе с терроризмом сделали рост ксенофобии почти неизбежным.

Другие аналитики склонны подчеркивать влияние правления Владимира Путина и даже обвиняют власти в использовании ксенофобии в качестве инструмента для объединения российского общества. Несмотря на то, что такое объяснение может показаться чересчур механистическим, при изучении данной проблемы необходимо принять во внимание два факта: сравнительно позднее признание ксенофобии как социальной проблемы и недавнюю политизацию ксенофобии.

#### **4. Может ли ксенофобия быть «управляемой»?**

Здесь следует задать вопрос о том, была ли ксенофобия в России такой же «управляемой», как «управляемая демократия»,<sup>6</sup> особенно после того, как насилие по этническим мотивам и разжигание расовой ненависти получило в стране осуждение на высшем уровне? И если да, то как она «управлялась» в последнее время? Стратегическим решением проблемы ксенофобии и связанного с ней насилия было «переименование» ее как элемент «экстремистской деятельности». Правительственные органы начали кампанию «против экстремизма», что привело к увеличению судебных дел, связанных с подстрекательством к ненависти, и временному запрету использования языка вражды радикальными газетами.

Новый президент России Дмитрий Медведев на заседании Совета по защите

институтов гражданского общества и правам человека 15 апреля 2009 года прокомментировал кампанию:

«Недавняя проблема, поднятая здесь, касается экстремизма. Я ощущаю, что мы добились по ней прогресса, потому что всего 10 лет тому назад правоохранительные органы неохотно с ней боролись и даже не хотели ее обсуждать. Сейчас они начали ее решать, и было инициировано несколько уголовных дел, возможно, не так часто, как следовало бы, но, тем не менее, прогресс был достигнут».<sup>7</sup>

Это действительно важный прогресс, хотя у общественных организаций он вызывает споры. В антиэкстремистское законодательство, а именно в закон «О противодействии экстремистской деятельности», были внесены изменения для борьбы с проявлениями расовой ненависти и насилия, однако эта мера часто рассматривается как палка о двух концах. Закон содержит широкое определение «экстремистской деятельности», которое в некоторых отношениях идет дальше, нежели положения Уголовного кодекса. Это допускает избирательное применение нормы и в то же время устанавливает серьезные санкции для организаций и средств массовой информации, занимающихся экстремистской деятельностью. Правозащитники неоднократно выражали свою озабоченность по поводу того, что данное законодательство имеет потенциал ограничения свободы слова и других прав человека. Александр Верховский и Галина Кожевникова из центра «СОВА» считают, что понятие «антиэкстремистской» деятельности существенно изменило контекст противодействия расизму и ксенофобии:

«Оно определяется как «противодействие экстремистской деятельности» и разрабатывается исключительно как борьба с «экстремизмом», тем самым перемещая проблему в политическую плоскость, что приводит к избирательному и произвольному применению законодательства и переносит центр тяжести предотвращения и ликвидации дискриминации с защиты индивидуальных прав и достоинств на борьбу против тех, кого государство считает своими противниками».<sup>8</sup>

Вопросы гражданских свобод и «управления» ксенофобией остаются в приоритете политической повестки дня в связи с другой резонансной темой – мирными собраниями и правом на проведение митингов и демонстраций.

## 5. Ксенофобские марши

С 2004 года и до недавнего времени российская политика в целом характеризовалась тенденцией к усилению власти, разрушению демократических институтов и экономическому и геополитическому возрождению России. Одной из очевидных особенностей данного периода было общее сокращение пространства для политических дискуссий и критики. Пострадали многие НПО и политические партии, а также другие институты.

Закон от 2004 года «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»<sup>9</sup> ввел более строгие правила. В частности, большинство мероприятий подобного рода теперь требуют официального разрешения властей в соответствии с особой процедурой, и если такое разрешение не будет получено, мероприятие автоматически становится незаконным. Также законодательство

устанавливает ограничения по типу мест, в которых могут проводиться общественные акции.

Однако такое ограничительное законодательство не помогло предотвратить случаи открытого расизма, наиболее заметным из которых был «Русский марш», который состоялся 4 ноября 2005 года в День народного единства (новый российский государственный праздник, который пришел на смену Дню октябрьской революции). В тот день более 3000 человек прошли маршем по центральным московским бульварам; некоторые участники скандировали «Хайль Гитлер», «Слава России» и выставляли руки в нацистском приветствии.

Это неожиданное первое «разрешенное властями» ультраправое массовое мероприятие обнажило уродливую сторону современного российского национализма. Кадры с марша, показанные по телевидению и освещавшиеся в прессе, стали для многих людей в России шокирующим откровением. Московские власти тоже были обеспокоены. «Русский марш» был запрещен в 2006 году, и полиция пресекала несанкционированные собрания и радикальные действия. Впоследствии марши распорядились проводить подальше от центра города и популярных маршрутов и мест. Та же тактика используется и в других крупных российских городах, где такие марши становятся все более частым явлением.

После запрета, установленного вслед за событиями в Москве 2006 года, мэр города Юрий Лужков прокомментировал в эфире одного из телеканалов:

«Я принял решение запретить так называемый Русский марш. Я понимаю,

что эти экстремисты могут попытаться провести нечто подобное в другом месте города. Однако мы не должны допустить, чтобы подобная деятельность подрывала единство нашего общества».

Однако правозащитные организации считают эту позицию противоречивой. Людмила Алексеева, председатель Московской Хельсинкской группы, старейшего правозащитного учреждения страны, заявила, что запрет общественных митингов противоречит закону, и власти могут предписывать организаторам только изменить место проведения. Она подняла этот вопрос на недавней встрече с президентом РФ Дмитрием Медведевым, который признался, что «естественно, власти не хотят решать подобные мероприятия, и их решения частично понятны, но, в любом случае, они не основаны на верховенстве закона...»<sup>10</sup>

Дилемма, с которой сталкиваются власти, стремящиеся сохранить «единство общества», ограничивая свободу выражения мнений и собраний, усугублялась ежегодно с 2006 года в связи с другим типом марша, направленного на борьбу с гомофобией, «спутником» ксенофобии. Так, всем известно, что власти Москвы пресекали любые попытки по организации гей-парадов в городе. Объяснения блокирования таких парадов включали в себя заявление о том, что марш спровоцирует действия скинхедов и других ультраправых групп, как это произошло в некоторых городах Восточной Европы, что невозможно гарантировать полную безопасность, что большая часть гей-сообщества выступает против парадов, и что общество к ним еще не готово.

## 6. Опасная неоднозначность

Помимо законодательства и правоприменения, правительственная риторика является еще одним важным фактором, на котором можно основывать замечания по поводу ксенофобии в России. Наиболее очевидный вывод, который можно сделать из наблюдений за риторикой властей, состоит в том, что сигналы, посылаемые Администрацией Президента и подконтрольными государству или государственными СМИ, неоднозначны и, во многих случаях, противоречивы.

Немецкий ученый Андреас Умланд написал:

«Несмотря на то, что примитивная ненависть к чужакам и насилие на этнической почве официально клеймятся, распространение национальных стереотипов и антиамериканизма, в частности, контролируемые государством информационными каналами и политологами не ослабевает. С одной стороны, политическое руководство пытается продвигать интеграцию России в такие западные организации, как «Большая восьмерка» и Всемирная торговая организация. С другой стороны, дискуссии в среде политических экспертов и интеллектуалов в целом характеризуются распространением антизападного консенсуса, часто называемого «евразийским», суть которого заключается в утверждении, что Россия «отличается» – или это действительно так – по своей природе от США».<sup>11</sup>

Формулировки и манера, в которой эти официальные идеи доводятся до широкой общественности, варьируются от едва уловимых и различимых до доволь-

но откровенных, в зависимости от темы. Например, они могут представляться в чисто театральной манере, как целенаправленная пауза, которую бывший президент Владимир Путин включил в свое заявление в 2006 году. Когда журналист спросил его, кто будет следующим президентом России, Путин ответил: «Следующим президентом будет тот, кого изберут «этнические» русские [пауза] и другие народы Российской Федерации».

Другая стратегия использовалась в российских СМИ во время так называемой «антигрузинской кампании» в 2006 году. После того, как МВД Грузии задержало четырех российских офицеров, а затем выслало их из страны по обвинению в шпионаже, Россия ввела против Грузии жесткие экономические санкции. Исследование, проведенное центром «СОВА», выявило значительное увеличение числа антигрузинских заявлений в прессе в ходе кампании против действий Грузии. Другие правозащитные организации также отметили роль СМИ:

«Российские телеканалы активно поддерживали и оправдывали антигрузинские идеи правительства через ежедневные новостные программы и еженедельные аналитические и политические программы и специальные выпуски. Например, одностороннее освещение новостей в начале октября на государственном «Первом канале» представляло исключительно позицию государственных чиновников и ведомств и регулярно ассоциировало грузин с противозаконной деятельностью, включая организованную преступность».<sup>12</sup>

Средства массовой информации очень редко говорили о нападениях на этни-

ческих грузин или других инцидентах, возникавших в результате этой кампании. Кроме того, никак не были представлены взгляды и действия критиков такого разжигания ксенофобных настроений. В то же время такие темы, СМИ изобиловали такими заголовками, как «Грузинская преступность», «Грузинский терроризм» и «Грузия паразитирует на экономике России» (имелись в виду грузины, которые пересылают денег из России своим семьям в Грузии). Как показали исследования центра «СОВА», даже прямо политическая риторика часто интерпретировалась как имеющая отношение к национальности. СМИ активно провоцировали антигрузинские политические настроения, которые привели общую ситуацию к положению, близкому к «общественной истерии». Самыми позорными эпизодами «охоты на ведьм» в ходе этой кампании были распоряжения, по меньшей мере, двух московских полицейских участков в адрес государственных школ, чтобы те составили списки детей с грузинскими фамилиями, датами рождения, адресами и информацией о месте работы родителей.

Тем не менее, по крайней мере, с точки зрения «управления ксенофобией», уроки, вынесенные из этого эпизода, похоже, были усвоены. Ксенофобские настроения, подстрекаемые политической риторикой, могут быстро разрастись и выйти из-под контроля. Поэтому, освещая войну в Южной Осетии в августе и сентябре 2008 года, российские СМИ придерживались исключительно политической (не этнической) линии, и число ксенофобских замечаний со стороны представителей правительства заметно сократилось.<sup>13</sup>

## 7. Маскировка ксенофобии

Если давать характеристику нынешней «кампании», на которой реет ксенофобское знамя, вероятно, ее можно было бы назвать «антимигрантской». В самом деле, общая ксенофобия в общественных дискуссиях довольно легко трансформируется из одного вида в другой. Принимая во внимание общие склонности к ксенофобии, мировой экономический спад конца 2008–2009 годов сделал эту проблему более очевидной.

Рост безработицы, социальные проблемы и нестабильность легко и естественно провоцируют антимигрантские настроения. Многие в российском обществе считают, что трудовые мигранты после потери работы остаются в России и примыкают к преступному миру. Также существует широкое распространение мнение о том, что «они воруют рабочие места». В некотором смысле, такие воззрения являются еще и пережитком советских предрассудков по поводу лимитчиков (местных «гастарбайтеров», жителей маленьких городков, которые переезжали в областные центры и становились там дешевой и неквалифицированной рабочей силой).

Согласно опросу, проведенному в 2005 году Михаилом Алексеевым<sup>14</sup> для выявления ксенофобских наклонностей среди российской молодежи, около 36% респондентов в возрасте 18–25 лет и 43% тех, кто достиг 40-летия, полностью или частично поддерживают заявление о том, что «всех мигрантов, легальных или нелегальных, и их детей необходимо отправить обратно на их родину».<sup>15</sup>

В последние годы трудовых мигрантов, особенно из видимых меньшинств,

неохотно принимают в основных регионах России. Наличие всех необходимых документов зачастую не является гарантией защиты от дискриминации со стороны правоохранительных органов. В 2006 году правовая инициатива «Открытое общество» провела исследование на тему «Этническая дискриминация в московском метро». Было изучено, как часто полиция Московского метрополитена несоразмерно останавливает людей из-за их «славянской» или «неславянской» внешности, и происходит ли это вообще. Результаты оказались неожиданно высокими: вероятность того, что пассажира с неславянской внешностью остановят для проверки документа, удостоверяющего его личность, была больше в 20 раз.<sup>16</sup> Для сравнения, в США и Великобритании представителей видимого меньшинства останавливают для такой проверки в четыре-пять раз чаще, чем людей, которые не похожи на чужаков.

Это только один пример дискриминационной практики, которая считается нормальной и естественной как обществом, так и правоохранительными органами. Поэтому такие подходы очень редко ставятся под сомнение или изучаются как источник ксенофобии. Однако более тревожной в свете финансового кризиса является тенденция увязки миграции и преступности. Помимо общего подпитывания ксенофобии, эта логика служит для полиции оправданием отсутствия эффективного реагирования на казуистические аргументы, типа «мигранты совершили больше преступлений, чем было совершено против них».<sup>17</sup> Она также укрепляет общий подход государства к регулированию миграции.

## 8. Детская болезнь?

Так что если задавать вопрос, пытается ли государство политизировать ксенофобию, ответ: безусловно, да. В то же время, если кто-нибудь спросит, пытается ли государство противодействовать ксенофобии, ответ снова будет утвердительным. Очевидно, что это противоречие сильно осложняет борьбу с дискриминацией.

Однако наиболее проблематичным, пожалуй, является противоречивое состояние самого российского общества. С одной стороны, есть то, что президент Дмитрий Медведев назвал «глубоко укуренвшимся общественным недоверием к институтам власти» и довольно сдержанное отношение к их действиям. С другой стороны, есть явный недостаток общественного интереса к вопросам дискриминации и ксенофобии и отсутствие настоятельных призывов к соблюдению существующих правовых механизмов.

В последнее время институты гражданского общества были ослаблены, а российская социальная структура расколота. Рост индивидуализма принес много позитивных изменений, но это также повлияло на способность людей поднимать актуальные вопросы, обсуждать и отстаивать свои интересы в обществе. Даже в случаях эскалации расизма и неонацистского насилия российское общество в значительной степени игнорирует дискуссии о том, что допустимо и социально приемлемо, что является нормальным, а что ненормальным. Такой диалог происходит только в небольших аудиториях, например, в вузах, НПО или, как это было много лет тому назад, дома на кухне.

В одном таком случае, в Москве на конференции, посвященной влиянию подстрекательств к вражде в политике и обществе, профессор политэкономии Александр Аузан сравнил российский национализм с лихорадкой. Эта метафора была использована в позитивном смысле, как симптом детской болезни. По словам Аузана, эта «лихорадка национализма» может восприниматься как показатель текущего состояния «организма» в определенный момент в переходе от «этнической» к «гражданской» нации.

## 9. Заключение

Опасения по поводу того, что ксенофобские настроения могут использоваться в политике, становятся все сильнее: в последнее время данная проблема стала рассматриваться как угроза национальной безопасности. Несмотря на недавние положительные изменения в системе уголовного преследования ксенофобии, государственная риторика демонстрирует неоднозначность в отношении разных проявлений радикального национализма и дискриминации. Поскольку данное явление еще не было как следует изучено и понято, ксенофобию в России нельзя считать полностью «управляемой», равно как и политически контролируемой или эффективно сдерживаемой. Многое зависит от разумных и последовательных государственных стратегий. Тем не менее, данная проблема вряд ли будет решена без участия активистов негосударственной сферы, просветительских усилий, гражданского надзора и внедрения передового международного опыта.

- 1 Анна Севорнян является заместителем директора Центра развития демократии и прав человека в Москве.
- 2 Материалы, подготовленные российскими НПО для Универсального периодического обзора России в Совете ООН по правам человека. Национальный доклад России за 2008 год в соответствии с новыми процедурами Универсального периодического обзора. 04.02.2009, опубликовано на: <http://xeno.sova-center.ru/6BA2468/6BB4254/B87D16B>.
- 3 Кожевникова, Г. «Радикальный национализм в России в 2008 году и усилия, направленные на противодействие ему», под редакцией А. Верховского, опубликовано на: <http://xeno.sova-center.ru/6BA2468/6BB4208/CCD6D21>.
- 4 Соблюдение Российской Федерацией Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации: альтернативный доклад российских НПО. 2008 г., опубликовано на: <http://xeno.sova-center.ru/6BA2468/6BB4254/B8954EB>.
- 5 См. <http://xeno.sova-center.ru/6BA2468/6BB4208/>.
- 6 Я использую термин «управляемая демократия» в значении российской модели управления. Термин был придуман одним из идеологов Администрации Президента Владиславом Сурковым для публичного выступления в 2004 году.
- 7 «Заседание Совета по защите институтов гражданского общества и правам человека при Президенте Российской Федерации – официальная стенограмма», 15 апреля 2009 года, опубликовано на: [http://www.kremlin.ru/eng/speeches/2009/04/15/1932\\_type82913\\_215131.shtml](http://www.kremlin.ru/eng/speeches/2009/04/15/1932_type82913_215131.shtml).
- 8 См. выше примечание 3.
- 9 Федеральный закон Российской Федерации «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», №54-ФЗ (от 19 июня 2004 г.).
- 10 См. выше примечание 7.
- 11 Умланд, А. «Неоевразийство», проблема российского фашизма и постсоветский политический дискурс», Opednews, 11 июня 2008 года, опубликовано на: <http://www.opednews.com/articles/-Neo-Eurasianism---the-Iss-by-Andreas-Umland-080610-4.html>.
- 12 Human Rights Watch «Отчуждение: задержание и высылка грузин из России», октябрь 2007 г., стр. 34–35, опубликовано на: <http://www.hrw.org/reports/2007/russia1007/russia1007web.pdf>.
- 13 См. выше примечание 3.
- 14 Алексеев, М. А. «Ксенофобия в России. Является ли молодежь ее движущей силой?» PONARS, аналитическая записка №367, декабрь 2005 г.
- 15 Кроме того, примерно 60% респондентов в возрастной группе от 18 до 25 лет и 57% респондентов в группе от 40 лет выразили полную или частичную поддержку лозунга «Россия для русских».
- 16 Правовая инициатива «Открытое общество», исследование «Этническая дискриминация в московском метро», Нью-Йорк, 2006 г., опубликовано на: [http://www.justiceinitiative.org/activities/ec/ec\\_russia/metro](http://www.justiceinitiative.org/activities/ec/ec_russia/metro).
- 17 См. выше примечание 2.